

Сновидения профессора Добролюбского

Это не роман, но и не документалистика. И Андрей Красножон, и Андрей Добролюбский – фигуры в городе известные. Да и их диалоги воскрешают, пусть "сновиденчески", историю века прошедшего.

– **Ваша семья, Андрей Олегович, живет в этой квартире со времени возвращения из эвакуации. Прежний дом был взорван во время войны...**

– В него, кажется, во время войны попала авиабомба. Дом стоял на углу нынешних улиц Польской и Бунина и был разрушен. А после войны он отстроен заново.

– **Здесь, на Успенской, вы провели всю свою жизнь. Обстановка и интерьер квартиры не изменились со времен вашего деда, Константина Павловича. За десятилетия не изменился даже номер домашнего телефона.**

– Телефон несколько изменился – был пятизначным, а стал шестизначным. У нас очень традиционная семья – мы почти не покупаем новую мебель добровольно. Только в тех случаях, если эта рухлядь уже совершенно выходит из строя и решительно никакой починке не подлежит. Но, в основном, это старая и очень добротная мебель. Поэтому она у нас и сохраняется десятилетиями. Более всего у нас старых книжных шкафов. Самые старые вещи в доме – огромный буфет, раздвижной обеденный стол, напольные часы. Это – 1870-80-е годы. Письменный стол Константина Павловича, за которым я сижу, а также платяные шкафы и шифоньеры, помоложе – начало 20 столетия. Нам нравится жить в такой обстановке, мы все ее очень любим и ценим. Я рад, что и мои дочери ее берегут. Кажется, это ныне большая редкость.

– **Тем не менее, родились вы едва ли не на улице...**

– Да, моя мать, Мария Гавриловна, действительно родила меня на улице. Но это вышло по ее рассеянности и легкомысленности. Она тогда очень много работала и, наверное, отвлеклась от того, что была мною обременена. Не до того. Когда истек девятый месяц беременности, она догадалась, что я переносен и, по ее словам, стала надеяться, что пошел обратный процесс, и я рассосусь. Эти ее надежды оправдывались недели две. Успокоившись, мама встала утром и стала работать по хозяйству. Семей-

ная легенда гласит, что она почему-то решила с утра вымыть полы. Наверное, они показались ей грязными. Тут-то у нее и начали отходить воды. Но она решила все равно их домыть: воды отходят, делов-то!

Это был апрель сорок девятого года. В нашей семье была тогда едва ли не единственная в городе частная машина — старый "Москвич" с колесом на багажнике, помнишь такие? Дедушке, Константину Павловичу, даже выделили персонального шофера как декану исторического факультета. Почему-то я помню имя шофера. Его звали Павлик. Водить эту машину умел и мой отец. Это умение ему пригодилось, когда моя мама грохнулась в обморок. Родственники безумно перепугались. Мой отец от страха не мог завести машину. Дергал ключ и возился с замком зажигания. Мама тем временем лежала на заднем сидении в полусознательном состоянии рядом с моей бабушкой Элеонорой Исидоровной — бабой Норой. В результате отец все-таки справился с замком, завелся и повез маму в клинику медина, на улицу Пастера. Ты знаешь, где клиника медина находится?.. Отец необычайно нервно вел свой "Москвич", и родился я в машине, на заднем сидении. Родила меня мама прямо в свое тогдашнее советское трико. При этом она боялась произнести звук, поскольку мой отец от ужаса мог врезаться в столб или еще что-то... Моя мать была человеком необыкновенной силы воли — надо же ухитриться не произнести ни звука, родив ребенка. Свои ноги при этом она держала на коленях свекрови. Произошли роды на углу Пастера и Преображенской.

В клинике работала старинная мамина подруга по имени Галина Мамиконовна Погосянц. Она, заметив, что мы подъехали, выбежала навстречу. Мама ей тихо говорит: "Я уже родила, детка, видимо, мертвая, молчит". Погосянц жутко перепугалась: "Идиотка! Что ж ты наделала?! Ты мыла полы!". Меня вынули из трико и начали оживлять. Меня били, колотили как угодно. За минуту до того как решили выбросить меня в мусорную корзину, я вдруг заорал. Так я остался жив, и живу по сей день. Наверное, мне очень повезло с матерью.

— Ваша дача в Аркадии несколько лет назад была продана. С ней связано много воспоминаний детства...

— Продали мы ее с горя. Вокруг вырос богатый квартал, с особняками, волкодавами и бульдогами на золотых цепях. Аллеи забиты всяким говном, какими-то джипами и мерседесами. И рожи у их хозяев соответствующие. На это ведь смотреть невозможно. Мы не привыкли к такой обстановке. Пришлось продать участок вместе с домом, хоть и было жалко. Даже кое-какую мебель оставили...

Участок под дачу получил мой дед еще до войны, в тридцать седьмом году. Да и после войны там было хорошо, как в деревне. Козы и куры бродили по Тенистой улице до середины 60-х годов. Наша дача была в составе университетского кооператива, там жила совершенно приличная ученая и интеллигентная публика. Наш дом впоследствии пришлось разделить с Рудиком, мужем моей покойной сестры Ксаны. Был сад с качелями и столиком, теннисным столом, а также уютный большой деревянный сортир в саду. В этот сортир мы складывали пустые бутылки, а потом их сдавали, нагрузив доверху детскую коляску. И жили на эти деньги дальше. Все это производило довольно приятное впечатление, потому что рядом море, а город — не совсем. Оазис. Если залезть на дерево или на крышу — было видно море. Там теперь все изменилось...

В разные годы на даче жило много народу. Мы там селили в летнее время гостей, никому не отказывали, клали штабелями в доме и в саду. Если не помещались, то и палатки в саду ставили. Да и сами переезжали на месяцок-другой из города...

В восьмидесятые годы мой отец, Олег Константинович, разделил дачу между своими детьми. В одной части дома жили Ксанка с Рудиком, а в другой — мы с Галкой и с нашими детьми. Летом гостей всегда было дикое количество. Мы всегда принимали всех очень радушно, как могли...

— **Вы упомянули, что ваша сестра Ксана была знакома с множеством интересных людей...**

— Это не то слово — их было так много, что я большинство из них и не очень помню. Кроме стабильных ее одесских друзей, которые остались и нашими семейными друзьями до сих пор. Это, прежде всего, Валя и Женя Голубовские, Феликс Кохрикт, Юра Михайлик, Лариса Сикорская и Витя Чечик, Стелла и Алеша Ивановы, Тамара Дремлюх и Адик Гурович, Костя Силян и Люда Флауменбаум. Увы, иных уж нет... Они бывали у нас едва ли не ежедневно. Валя Голубовская об этом написала в своей книжке "На краю родной Гипербореи". Очерк называется "В единственном доме". Название — строчка из стихотворения Юры Михайлика как реакция на Ксанкину смерть. У нас вообще был очень открытый и гостеприимный дом.

В Ксанку я был детства влюблен. Она была потрясающе обаятельна, остроумна и блестяща. Веселая, очень приветливая, смешливая. И очень умеренно стервозная, что даже странно. Необычайно притягательна, к ней таскалась куча народу. Юра Михайлик написал об этом:

"Назад, во времена, когда она, грассируя,
кричит тебе: привет! распахивая дверь
и возникая в ней, — не то чтобы красивая —
сияющая вся, как некому теперь.

Там за ее спиной слоистый дым नेताющий,
лабораторный спирт, разведенный на треть,
странноприимный дом, прибежище, пристанище,
как некуда потом, как некуда и впредь.

Там, за ее спиной пророчащих и спорящих,
хохочущих в дыму, в единственном доме,
слетевшихся на свет полуночное сборище,
как больше никогда, как больше ни к кому".

Извини, не могу дальше, а то разрыдаюсь. Стихотворение давно и не раз опубликовано, но каждый раз, как я его перечитываю, то хочу плакать... В общем, в доме по сравнению с Ксанкой я считался тупицей и туподумом. Она все делала необычайно легко и играючи, а я тупо сидел, скрючившись над школьными учебниками. И тратил на это массу времени. Ксанка говорила маме: "Этот идиот, кажется, не понимает, что можно пойти в школу с неприготовленными уроками". И после этого мама стала даже подумывать, не отвести ли меня к врачу. И отвела бы, если бы нашла врача, который лечит от тупости. Но не нашла. Так я тупым и остался...

Когда Ксанка училась на французском отделении университета, я ей старался подражать. И делал вслед за ней ее задания. Это, кстати, мне помогло в изучении французского языка. У нее был сокурсник, Леня Королик, который получил заслуженную кличку Красавчик. Он, как выразилась моя бабушка, "однажды к нам пришел и так и остался". Мы все очень подружились. Красавчик честно давал мне уроки французского. Охотно со мной возился. Более прекрасного преподавателя языка я не встречал. Он великолепно чувствовал язык. Красив, талантлив, остроумен. К тому же, великолепно пел французские песни. Шансоны он пел так здорово, что какие-нибудь Ив Монтан или Шарль Азнавур должны были бы мыть ему полы в сортире...

Друзья Ксанки активно участвовали в моем начальном сексуальном образовании. Когда мне исполнилось 16 лет, и у меня уже был бурный роман с Галкой, Ксанка подарила мне десять презервативов. Это был царский подарок — их тогда вообще невозможно было достать.

Этот тип поведения присущ всей средиземноморской культуре. Возьмем, скажем, итальянских лаццарони. Их вообще ничего не интересует, — они себе валяются на пляжах или парапетах в каком-нибудь Неаполе и решительно ни о чем не думают. Тепло, хорошо... Время от времени они встают и идут искать еду, выпивку или купаться в море. Денег у них нет в принципе, да они им и не больно нужны. Работы нет, и они не собираются. Это, разумеется, слишком жесткая классификация.

На нашей даче примерно такого типа публика все время и обитала. Среди них были и те, кто впоследствии стал очень знаменит. В разные годы здесь бывали Сергей Довлатов, Ася Пекуровская, Евгений Рейн и Роман Каплан. Это были ленинградские приятели Ксанки. Первым из этой компании я узнал Рому Каплана, который дружил с Ниной Перлиной, подругой моей сестры. Если я не ошибаюсь, она даже упоминается в воспоминаниях Людмилы Штерн. В тот момент никто же не знал, кто кем станет. Я уж меньше всего. Мне было тогда лет тринадцать, четырнадцать. Я был маленьким мальчиком. Рома Каплан ныне хозяин знаменитого ресторана "Русский самовар" в Нью-Йорке, известный человек. Он был приятелем моей тогдашней преподавательницы английского языка Жени Беркович. Она жила на Приморском бульваре и была великолепной и остроумной преподавательницей. Я ей в основном обязан своим знанием английского языка. На даче у Ксанки вообще собиралась замечательная компания. Мы более всего любили петь "Песню про Унитаз". Не знаю точно ее автора — кажется, Влад Дашевский или Юра Михайлик. "Про Унитаз" поется на мотив известной советской песни "По военной дороге...". Хочешь — спою, пока не забыл. Ведь ваше поколение ее не знает. Нужно же сохранять культурную традицию для потомков:

"Это было когда-то, при царизме проклятом,
В угнетеньи трудящихся масс.
Позолоченным тронем, людоедским законом
От людей берегли унитаза. (2 раза)

Чтоб народ наш влачился, по канавам мочился,
Коченел среди бескрайних полей.
Палачи и сатрапы забрали в свои лапы
Цвет культуры и гордость людей. (2 раза)

Натерпелись мы очень, не хватило нам мочи,
Но, однажды, никак не стерпев,
Мы под царской шрапнелью поскидали шинели,
На буржуев излили свой гнев. (2 раза)

Пусть года пролетели, мы все так же хотели
Созидать и творить чудеса.
Приходилось, однако, экономить бумагу
И на кафельных стенках писать. (2 раза)

Но теперь, слава Богу, всем и всяк понемногу
Обеспечен трудящийся класс.
На любой индивидуум прямо на руки выдан
Превосходный, большой Унитаз". (2 раза)

Так, вот, "вернемся к нашим баранам". Рома Каплан приехал с Ниной Перлиной. Нина куда-то быстро исчезла, а Каплана поселили одного в нашей пустой квартире. Все отбыли жить на дачу. У Каплана было две яркие отличительные черты. Во-первых, он блистательно знал английский язык. Во-вторых, жутко любил женщин. Он только об этом и говорил. Думаю, он просто сошел с ума, попав летом в Одессу.

Мама с бабой Норой считали, что я обязан научиться, прежде всего, двум вещам: профессионально работать на печатной машинке и свободно владеть тремя европейскими языками, раз уж я собираюсь заниматься умственным трудом. Все остальное, как говорила мама, я могу и не уметь. Вернее, смогу выучить в любой момент. Такая выучка мне создала немалое преимущество перед коллегами в жизни. Я бесконечно благодарен своей матери и бабушке за эту постановку вопроса. На каникулах, сидя на даче, они заставляли меня по несколько часов в день переводить и записывать на машинке разнообразные детективы, которые фанатично собирал мой отец. Мои переводы он переплетал и ставил на полку, поскольку сам языками не владел. Каждый день язык детектива менялся: Сименон на Агату Кристи, Агата Кристи, в свою очередь, на какого-нибудь немецкого автора. Так меня заставили научиться читать и писать на трех языках.

За процессом неизменно наблюдала баба Нора. Она постаивала у меня за спиной и следила, как я работаю. Дрессировала меня жестко. Если я начинал тыкать по клавиатуре пальцем, вместо того чтобы печатать всеми десятью пальцами, она меня не пускала на пляж и била по рукам. Так они

выучили меня печатать вслепую. Я часами переводил иностранные детективы и очень мучался. Приятели меня тоскливо ожидали за забором. Эту же педагогическую программу я применил впоследствии к своим детям. Мама оказалась права. Но в своем детстве я жестоко страдал, даже не предполагая, как мне эти навыки потом пригодятся.

Периодически баба Нора отвлекалась, и Каплан помогал мне сачковать. Быстренько, сходу, переводил положенные две страницы текста, я сдавал норму, и мы вдвоем шли на пляж. Он диктовал, а я только успевал набирать. Разумеется, я полюбил его за это. Таким образом, у нас в доме собралась уникальная библиотека детективов. Думаю, что сейчас она имеет лишь раритетную ценность.

Мой отец даже ухитрился вступить в переписку с самой Агатой Кристи. У него в кабинете висела ее фотография. Сам он языки не знал, но хотел, чтобы их знали его дети. Я перевел книжек пять за это время. Ксанка переводила с французского.

Подругой Каплана была и Ася Пекуровская, которая приехала к нам на дачу то ли в тот же, то ли в следующий сезон — за давностью лет я не помню таких деталей. Я не знал, кто она такая. Лишь потом выяснилось, что она была в тот момент женой Сергея Довлатова. Я видел много красивых женщин, но почти никогда не видел девушки такой красоты. Мало того, она еще была и необычайно сексапильна. Кажется, она читала самиздатовский роман Хемингуэя "По ком звонит колокол"... Или же этот роман к нам попал как-то иначе. Не помню.

— **Есть такой анекдот: "Назовите произведение западного писателя, которое возвышает идеи коммунизма". — "Обком звонит в колокол!"...**

— Да, верно. Обком звонит в колокол... Не так уж и остроумно. Я помню, они там его всего зачитывали до дыр... Даже я полюбопытствовал, стал в очередь и прочел.

Ася все время ходила на пляж. Зрелище, которое открывалось по ее возвращении с пляжа, было довольно сильным. Никогда не забуду, как она дефилирует по улице Тенистой с полотенцем в руках, а за ней тянется шлейф каких-то мужиков, которые трясутся от похоти. Ася невозмутимо, равнодушно закрывает калитку перед их носами и возвращается к своему чтению. А те, значит, трутся под забором, потому что зайти на профессорскую дачу невозможно. Я хожу по саду в безделье. Иногда меня подзывали поклонники Пекуровской. Один, помню, был кавказцем: "Мальчик, иди сюда! Конфэтку хочэш? Ну, мальчик, ну вызови ее!". Максимум, что я мог сделать — это подойти к Асе и сказать: "Вас там дядя

спрашивает". Она говорила: "Какой дядя? Жирный такой, с усами? Нет, этот пошел".

И тут приехал ее муж. Я его запомнил, потому что это был такой здоровенный дядька с бородой. Его звали Сережа. И как муж Аси он был допущен нашей семьей в сад, в смысле — в дом. Видимо, между супругами произошла какая-то ссора. Или сцена ревности. Они поругались и не разговаривали дня два или три. Я понятия не имел, кто он такой. И лишь много позже узнал, что это был Сам Довлатов. Короче говоря, Ася ушла на пляж одна и не взяла его с собой. Довлатову было нечего делать, и он тоже шлялся по саду, как и я. В итоге мы вместе пошли на пляж. Я ему тогда, наверное, заменил Асю.

Мы купались на Аркадийском мысу, где в то время еще были скалы. Плавали мы оба великолепно. Я в то время еще не выполнил мастерскую норму, но мне хватало мастерства, чтоб не утонуть. Когда заходили в воду, Сережа повернулся ко мне и говорит: "Настоящий мужчина не должен бояться заплывать далеко". Я сказал, что вовсе не боюсь. И мы с ним поплыли к фарватерному бакену. По дороге беседовали. Не помню, о чем. Но помню ощущение сильного обаяния и остроумия. Кажется, он говорил, что мужчина должен уметь плавать, как Байрон. Ибо Байрон писал, что настоящий мужчина обязан уметь всего две вещи: драться и плавать. Этот бакен находился километрах в полтора от берега.

Прицепились к бакену, отдохнули. Когда поплыли назад, нас заметили со спасательной станции, послали катер, хотя мы совершенно не собирались тонуть. Нас вытащили на борт и сказали: "Нарушаете, бля", — после чего отвезли на берег. Довлатов был первым человеком в моей жизни, от которого я слышал столь виртуозную ругань. Ругался он несколько минут подряд, почти не повторившись. Очень красиво. Я был воспитан своей бабушкой и поэтому испугался, когда узнал, что "нарушаю". Короче, нас оштрафовали. А мы в одних плавках, денег при себе нет. Довлатов решил откупиться. Где он взял деньги, я не понял. Я даже не понял, кто кому ставил, — он мог и спасателей уговорить. Короче, в те времена на пляжах продавалось вино в бочках, "столове рожеве". Бутылка стоила семьдесят семь копеек, а стакан — восемнадцать копеек. В общем, Довлатов им как-то ухитрился поставить, чтоб они отстали. Все тут же нашли общий язык и радостно выпили. Мне по малолетству выпить не дали. Спустя несколько лет я познакомился с Женей Рейном и понял, что Довлатов по сравнению с ним тогда вовсе и не матерился, а изъяснялся изысканнейшим языком, скажем, Мерещковского, Марселя Пруста или Оскара Уайлда.

Женя Рейн ругался куда более богато и выразительно. Он гостил у нас в шестьдесят шестом году, в год моего поступления в университет. Приехал осенью и жил в этой самой комнате, в которой мы сейчас сидим. Его речь и сама личность производили совершенно завораживающее впечатление. Я не слишком хорошо знаю его творчество, потому что с детства терпеть не могу поэзию. Но в разговоре Рейн был совершенно неотразим. Мы специально собирались компаниями по вечерам, чтобы его послушать. Ходили "на Рейна". Он жил у нас довольно долго, недели две. Я гулял его по городу. Он мне тогда говорил, что такому способному юноше не следует просиживать в этой дыре, а ехать в Питер или Москву. И даже выражал склонность мне посодействовать.

Однажды Рейн сказал, что больше всего на свете он хочет увидеть одесский толчок. Годы советской власти сделали Одессу таким же занюханым городом, как и все остальные. Но толчок каким-то образом сохранился и был знаменит на весь Советский Союз. Нам составил компанию мой приятель Сережа Мохненко. Мы сели в тачку и поехали на улицу Химическую, где толчок располагался в те времена. Это был пустырь возле еврейского кладбища. На первый взгляд, обыкновенная барахолка. С рук продавали всякую всячину. Каждый раз одесский толчок перекочевывает на новое место. В царское время его функции выполняли кварталы вокруг Привоза. Затем он находился на Мещанской площади, у линии портофранко, на границе с Молдаванкой. При советской власти переехал на Химическую. После нее — на седьмой километр Овидиопольской дороги, где находится и сейчас... На Химической мы помогли Рейну выбрать американский клетчатый пиджак. По тем временам это была довольно роскошная покупка. Дело в том, что все ходили в советских шмотках, и оторвать настоящую американскую или французскую тряпку можно было только на толчке. Причем даже относительно по сходной цене.

Когда мы взяли такси туда, шофер назвал одну сумму, а когда приехали назад, таксист потребовал на порядок больше. Рейн возмутился и сказал, что больше не даст ни копейки. Шофер настаивал. И тогда Рейн разразился таким потоком брани, что Довлатов с его убогим матом мне показался невинным младенцем. Он матерился минут пять, ни разу не повторившись. Мне и не снилось такое искусство в этой области. Я же не знал, с кем имею дело... В тот момент Рейну было тридцать пять лет, и он мне казался Мафусаилом. Он ходил по дому в своем клетчатом пиджаке и интересовался: "Как ты думаешь, Андрюша, идет мне этот пиджак или нет?". Я удивлялся: он еще заботится о том, идет ему или нет? Что вообще этому

старому дядьке может идти? Он был упитанный, с животом, со всеми делами. Очень славный, веселый. Не знаю, тот ли это пиджак, который Рейн подарил Бродскому перед эмиграцией на Запад. Не исключено, что тот. Если так, то пиджак вернулся на свою историческую родину спустя много лет. Видимо, легендарный клетчатый пиджак Бродского существовал в самом деле, поскольку другого у него, кажется, не было. Ведь достать американский пиджак в середине шестидесятых в принципе было невозможно.

Еще одним человеком из питерской компании была Люда Штерн, с которой я познакомился уже после университета. Причем совершенно случайно. После армии я поступил в аспирантуру и работал в Роксоланах, на раскопках античного города Никоний. Ксанка тогда вышла замуж за своего Рудика, они привезли чету Штерн на раскопки. Ничего там особенно интересного не было, но раскопки были красивыми. Античный город на берегу лимана, море черепья, ямы, землянки, оборонительная стена — весь набор. И приняли мы их очень хорошо: дали палатки, поселили на берегу лимана, все как полагается. Люда мне показалась дамой интеллектуально озабоченной. Мы сидели на краю раскопа, рассматривали какое-то граффити. Она вдруг спросила меня перевод. Я говорю: "Понятия не имею, что здесь написано. Не знаю древнегреческого языка". На что Люда мне отпарировала: "Это непрофессионально, Андрей. Что вы здесь, в таком случае, делаете?". Эти слова меня сильно смущали. В продолжение разговора она тут же привела в пример профессионализма саму себя. Профессионализм должен быть полным и окончательным. Она рассказала, что ее как еврейку не брали в аспирантуру. Никаких шансов не было. Поскольку формально поступить было невозможно, она подала на конкурс. Люда — геолог по образованию. По-моему, кандидат наук. И она сдала экзамен таким образом, что ее взяли в аспирантуру. Экзаменаторы попросту не сумели ее завалить.

На меня эта история тогда произвела сильное впечатление. Потом в Одессе мы еще некоторое время ходили на пляж и дружили. Когда Женя Голубовский мне передал ее книжку о Бродском, я вспомнил эту историю. Я даже и не знал, что они уехали. За этим, как говорится, не следил. Получив книжку, я растрогался, и тот же Голубовский, а также Валерий Хаит предложили мне написать свои воспоминания о посещении Довлатовым и Рейном нашей дачи. Тогда я к этому отнесся прохладно. Но мне захотелось узнать о воспоминаниях Люды Штерн, об этих же самых посещениях. Оказалось, что Соня Кобринская находится с Людой в электронной переписке. Она дала мне адрес, я написал письмо, не сильно даже рас-

считывая на ответ. Люда мне мгновенно ответила, что очень хорошо меня помнит. В общем, мы некоторое время переписывались. Живет она сейчас в Бостоне. Я время от времени поздравляю ее с очередным Новым годом. Писательница она, по-моему, превосходная.

— **В вашем доме этажом выше живет Кира Муратова. Вы с ней знакомы?**

— Муратова купила здесь квартиру относительно недавно. Мы знакомы весьма поверхностно, просто здороваемся как соседи. Она не очень контактна... Хотя она ровесница Ксанкиных друзей, но в их круг не входила. Но все-таки круги общения как-то пересекались. Скажем, мой давний приятель Олег Владимирский снимался в ее фильме "Долгие провода". Позднее Муратова снимала в нашей квартире некоторые основные сцены для своего знаменитого фильма "Астенический синдром". Нам это устроил Олег Иванов, сын Ксаниных друзей Стелы и Алеши Ивановых, он был у Муратовой художником или еще кем-то. Просто предложил нам подзаработать. В нашей семье далеко не всегда было благополучно с деньгами. Времена бывали разными, тогда как раз было нелегко. Вот Олег и предложил интерьер нашей квартиры Муратовой для съемок "Астенического синдрома". Киношники осмотрели комнаты, набили их юпитерами и кабелями и оккупировали всю квартиру — на три съемочных дня. Семья была загнана в самый дальний угол. Кажется, за эти съемки нам заплатили 500 рублей — это почти мой трехмесячный тогдашний заработок...

